

Олефиренко, Георгий Федорович

Украина, Донецк

Январь-май 2007 г.

Уважаемые дамы и господа!

Вторую мировую войну я начал в Белоруссии, где служил с 1940 года в 55 стрелковой имени Ворошилова дивизии. Сначала в Бресте, а незадолго до начала войны нас перевели в город Слуцк, около Минска. Первый бой мы приняли на 191 километре Брест-Литовского шоссе на рассвете 24.06.1941 года. Наша дивизия была разбита, и 26 июня 1941 года я пристал к 44 стрелковому полку (командир майор Гаврилов) 42-й стрелковой дивизии, которая до войны дислоцировалась в Брестской крепости. В том полку я воевал примерно полтора месяца в разведывае и принял участие в нескольких боях. Потом было поспешное отступление, окружение нашей группировки в Брянских лесах, выход из окружения и дальнейшее отступление на юг, вдоль левого берега реки Днепр.

В сентябре 1941 года я оказался южнее Киева, среди войск, защищавших столицу Украины. Защитники Киева, оставив город, переправились на левый берег Днепра и оказались в окружении. Я несколько дней скрывался в приднепровских плавнях и однажды, придя на какой-то хутор в поисках пищи, наткнулся на двух немецких солдат. Так я оказался в плену.

Привели меня в село Чапаевка, Золотоношского района бывшей Полтавской области, где на территории колхозной животноводческой фермы был оборудован временный лагерь для военнопленных. Часть территории была обнесена забором из колючей проволоки, по периметру установлены вышки с пулеметами, патрулировали часовые.

Первые несколько дней нас не кормили, затем начали кормить раз в сутки вареными овощами, крупами гречихи и проса. Хорошо, что в эти дни шли дожди, воды было полно в лужах. Примерно через 10 дней нас вывели из лагеря, построили в колонны по 100 человек и повели группами по 1000 человек на юг. Когда мы отошли немного от села, в районе лагеря поднялась частая ружейная стрельба. Я не придавал этому значения.

На первом привале несколько пленных в метрах 20 от нас разожгли малюсенький, чисто символический костер. В это время к ним подъехал на лошади немецкий офицер и начал что-то громко говорить, показывая на костер. Естественно, его никто не понимал. Тогда он вытащил из кобуры „Парабеллум“ и выстрелил в голову одному из сидящих. Костер сразу же погасил. Прозвучала команда, и нас начали строить в колонны. В это время раненый зашевелился и застонал. К нему подошел немецкий солдат и пристрелил его из винтовки. Мне сразу стала понятна стрельба в оставленном нами лагере. Это пристреливали тех, кто не мог идти – раненных, больных и слабых. Сколько их осталось лежать на пути нашего следования до города Кировоград, куда мы прибыли, когда уже стояли сильные морозы.

В самом начале пути со мной произошло невероятное событие. На второй или третий день пути меня позвал из колонны офицер, который командовал солдатами, конвоировавший нашу колонну. Я, признаться, струхнул. Он молча обождал, когда подойдет обоз, подошел к одной из повозок, поднял брезент, взял булку белого хлеба, отрезал половину (около 1 кг.) и дал

мне. Я поблагодарил его и хотел идти догонять свою колонну. Но он показал – кушай здесь. Я шел рядом с ним, отрывал от хлеба кусочки и ел. Не успел я прийти в себя от состояния, в котором оказался, как с хлебом было покончено. Хотя с тех пор прошло уже 64 года, я до сих пор помню то наслаждение, которое получил, кушая хлеб. Я не понимал, почему он это сделал. В другой раз, когда он дал мне что-то из продуктов, он заметил, что я похож на его младшего брата, который так же воевал на восточном фронте. Фамилия этого офицера – Опель. Он был командиром взвода полковой батареи 75 мм пушек. Вторым командиром взвода был офицер по фамилии Кайзер. Их полк, а возможно и вся дивизия, конвоировали военнопленных.

В начале декабря 1941 года нас привели в город Кировоград и разместили по лагерям. Я попал в лагерь, устроенный в городской тюрьме. Пленные рассказывали, что перед нашим приходом немцы отобрали в лагере людей, похожих на евреев, и политработников (по специальной нашивке на рукаве), раздели их до нижнего белья и поливали из шланга холодной водой, пока те не замерзли. Лично я этого не видел.

В бывшем Советском Союзе я вынужден был скрывать обстоятельства моего пребывания в плену. Лет десять назад я начал поиски Опеля или его родственников. Дважды писал на радио „Немецкая волна“, в посольство Германии в Киеве, в Совет ветеранов войны в Бонне, в отделение Красного Креста в городе Донецке. К сожалению, никто мне не ответил. А жаль. Я бы хотел на склоне лет поблагодарить Опеля или его родственников за гуманность, за все то хорошее, что он для меня сделал.

Олефиренко Георгий Федорович.

Уважаемые господа!

Сердечно благодарю Вас и в вашем лице немецких граждан, оказавших мне материальную поддержку. А, главное, за оказанное уважение человеческому достоинству, которое я не получил от своего государства.

В бывшем Советском Союзе военнопленные считались изгоями и предателями. Подавляющее большинство советских солдат и офицеров попали в плен в результате стратегических ошибок бывшего командования страны. Хорошо, хоть сейчас бывших военнопленных не третируют и не ограничивают в правах.

К немецкому народу у меня никакой ненависти нет. Немецкий народ также очень пострадал от последствий войны. Я знаю, что вина за минувшую войну лежит на преступных правительствах бывшего Советского Союза и гитлеровской Германии. Я до сих пор благодарен офицеру германской армии господину Опелю за оказанную мне поддержку во время плена. Несколько раз я пытался разыскать его родственников, чтобы поблагодарить их, но мои попытки не увенчались успехом. Свои воспоминания о пребывании в плену я сдал вместе с другими документами на получение гуманитарной помощи.

Высылаю свои фотографии – в настоящее время и во время войны.

Еще раз благодарю. Желаю Вам здоровья и успехов в Вашей благородной деятельности.

Олефиренко, Георгий Федорович

